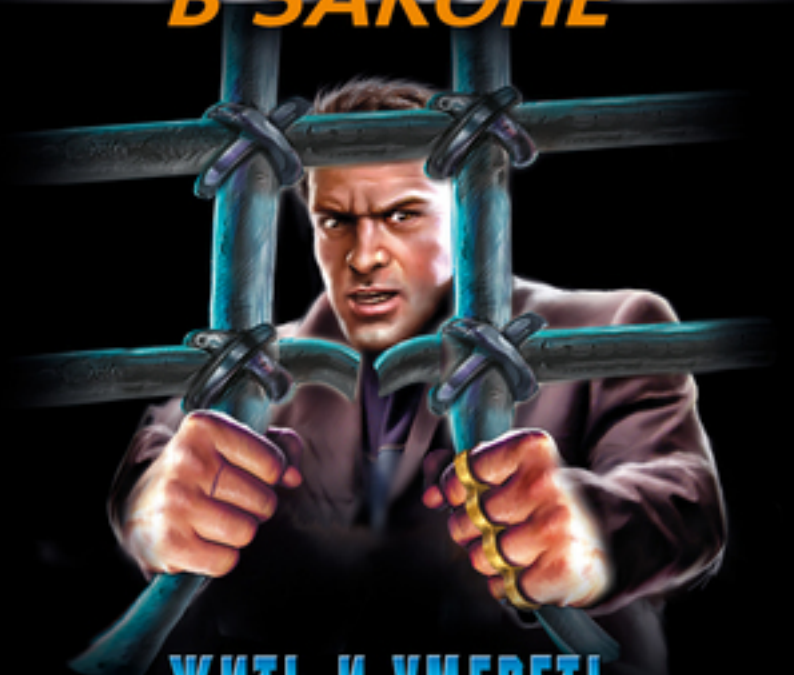

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

**ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ
СВОБОДНЫМ**

Расследования криминального репортера

Сергей Зверев

Жить и умереть свободным

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Жить и умереть свободным / С. И. Зверев — «Научная книга», 2011 — (Расследования криминального репортера)

Во время бунта на зоне в Хабаровском крае из мест лишения свободы бегут двое матерых уголовников. Они опытные, безжалостны, циничны и умны, да и терять им теперь нечего – руки у них по локоть в крови. Поселки по берегам Амура цепенеют от ужаса: ничего хорошего им этот побег не сулит. Территория возможных поисков огромна, поймать уголовников в тайге очень тяжело. Ситуацию усугубляют снежные заносы и пурга. Полиция практически расписывается в собственной бессилии. Однако в одном из зимовий живет недавно освободившийся зэк, у которого к сбежавшим свои счеты. Он из местных, потомственный таежный охотник-промысловик и следопыт. И прекрасно понимает, на какую наживку можно поймать беглецов. Но в довершение всего в крае объявляется амурский тигр-людоед...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Жить и умереть свободным

Пролог

Огромная рыже-полосатая кошка пружинисто выпрыгнула из-за сугроба и замерла. Ей показалось, что где-то рядом заскрипел снег. Кошка была голодна, в животе урчало, и это заставило ее все время прислушиваться...

На окраине Февральска, расположенного в диком и безлюдном Хабаровском крае, хищник появился недавно: холода и бескормица привели его, обычно столь осторожного, к человеческому жилью. Амурский тигр нечасто нападает на людей: в тайге достаточно другой живности. Однако последняя зима выдалась снежной и очень злой. Да и тигр был уже немолод, охотиться становилось все трудней. И потому, доведенный хроническим голодом до отчаяния, однажды уже напал на человека. Добыча понравилась. А раз так – зачем выслеживать четырехногую дичь в тайге? Проще подкараулить беззащитного двуногого.

Тигр стоял почти по брюхо в снегу. Кончики рыже-белой шерсти свалились и обросли сосульками. Сквозь облепленную репейником шкуру рельефно выпирали ребра. Уши были наострены, длинный хвост нервно подрагивал. Близость поселка не пугала – хищник уже несколько раз заходил на его территорию по ночам, резал местных дворняжек. Ничего угрожающего в поселке не было: залатанные щитовые домики, снятые с колес железнодорожные вагоны, завалившиеся заборы, выющиеся дымки из труб...

Тем временем шаги приближались. Они были нетверды и неустойчивы. Холодный порыв ветра донос до ноздрей хищника прослоенный букет давно немытого человеческого тела, скверного табака и тошнотворного водочного перегара...

Хищник недовольно задергал хвостом, пригнул голову и спрятался за сугроб, наблюдая за протоптанной по снегу дорожкой. Со стороны поселка шел неопределенного возраста бомж в драном бушлате, растрепанном треухе и стоптанных унтах. Его лицо, напоминающее печеное яблоко, выглядело понурым и печальным. Остановившись, бомж встал против ледяного ветра, сунул в прочифиренные зубы одревеневший чинарик и, судорожно шелкая зажигалкой, закурил. Затем глухо закашлялся, привычно матюгнулся и удивленно взглянул на окуроч: он уже потух.

Человек, пошатываясь, стоял к зверю спиной. Он явно не ощущал опасности. Ветер, гнавший над сугробами низкую колючую поземку, то и дело сносил в сторону рыже-полосатой кошки тяжелый смрад. Хищник вновь забил хвостом, занервничал. В нем происходила отчаянная борьба между отвращением к мерзким запахам и острым чувством голода. Как и следовало ожидать, голод победил. Бесшумно выскользнув из-за сугроба, тигр изготовился к прыжку...

Мгновение – и бомж ощутил, как страшной силы удар сбил его с ног. Спустя какую-то секунду он почувствовал холод вонзившихся сквозь бушлат клыков, и дикая, нечеловеческая боль заставила его истошно закричать.

Крик, отразившись от заснеженных сопок, резко оборвался: легким движением головы тигр зацепил жертву за горло страшным клыком. Из разорванной гортани несчастного вырвалось слабое птичье клокотание, и бомж мгновенно затих....

Спустя каких-то полчаса страшная рыже-полосатая кошка исчезла столь же быстро, как и появилась. И лишь огромные, размером с человеческую голову следы, ведущие в тайгу, да кровавое месиво на снегу свидетельствовали о развернувшейся тут трагедии...

Глава 1

Уж если классический русский бунт слывет безжалостным и беспощадным, то что уж говорить о бунте на русской зоне? Да еще расположенной не в относительно цивилизованной Средней полосе России, а в забытом богом и людьми «медвежьем углу» Хабаровского края!

Как обычно и бывает, все началось с прибытия на зону нового начальника, подполковника Киселева. Прежнего неожиданно и безо всяких объяснений вышибли на пенсию. По одним сведениям – за излишний либерализм к заключенным, по другим – из-за скрытых интриг в краевом Управлении Федеральной службы исполнения наказаний. Как бы то ни было, но подполковник Киселев на правах нового «хозяина» сразу же начал наводить свои порядки.

Эта колония строгого режима, или «строгач», всегда считалась «черной», то есть живой исключительно по «воровским» законам. Авторитетные ээки разгуливали по зоне в спортивных костюмах, болтали с «вольняшкой» по мобильникам и даже баловались водочкой и наркотиками. Все это можно было запросто купить через коррумпированных контролеров; за соответствующую мзду сотрудники ИТУ согласились бы пронести на зону хоть пулемет. Между авторитетными блатными и администрацией существовало негласное соглашение: вы, менты, не трогайте нас, а мы пресекаем беспредел среди особо борзых арестантов, обеспечиваем видимость порядка и даже выполнение плана на «промзоне». И всем такое положение вещей вроде бы нравилось. На зоне действительно почти не было беспредела, зато старый начальник никогда не краснел, когда ему приходилось отчитываться о производственном плане.

«Ломать» зону Киселев начал с борьбы с коррупцией среди подчиненных, а также с жесточайшего насаждения режима. Теперь подозреваемых во взяточничестве контролеров могли обыскать в любой момент – потребовать вывернуть карманы, попросить письменных объяснений по поводу денег, обнаруженных в кошельках. Что касается арестантов, то их начали пересчитывать поголовно и во время хождения на завтрак, и во время вывода на работу, и во время хождения на обед, и во время съема с работы, и даже во время хождения на ужин. Тотальные шмоны в отрядах стали нормой. Во время обысков изымались не только запрещенные вещи, но даже фотографии родных и близких, чего прежде никогда не было. Найденная заточка автоматически означала довесок к сроку. Неблагонадежным арестантам регулярно подбрасывали и самопальные ножи, и заточки, и даже наркотики. Избиения вошли в норму. Били в контролерской, били в кабинетах, били в оперчасти и в режимной части, били за нарушение режима и просто злобный взгляд в сторону администрации. Особо недовольных карали водворением в ШИЗО. А по ночам из ШИЗО дергали в «пресс-хату», где «шерсть», то есть ссученные блатные, давно уже приговоренные воровским миром к смерти, издевались над честными бродягами самыми немислимыми методами, которые свидетельствовали об изошренности ума и полном омертвлении чувств. Руководил издевательствами Иннокентий Астафьев по кличке Чалый – один из самых лютых беспредельщиков.

О пыточной камере ШИЗО на зоне ходили самые страшные слухи. Порядки там были пострашней, чем в гестапо. Ни о каком «режиме», насаждаемом новым «хозяином», не могло быть и речи; это была территория полного беспредела. Вопреки Уставу в камере были предусмотрены даже электрические розетки, до самых медных ноздрей заполненные электрическим током. Через обычный зажим электричество можно было подвести к губам, груди или члену жертвы. Пассатижамы Чалый и его подручные ломали пальцы, срывали ногти, выламывали зубы. В качестве орудий пыток использовались отрезки телефонного кабеля и дубинки, утыканные гвоздями.

Астафьев явно находил удовольствие в издевательствах над людьми. День без пыток и издевательства наверняка был для него пропащим. Причем цель истязаний была одна: заставить

авторитетов ссучиться, то есть записаться в лагерный актив и надеть красную повязку. Особо значимых в блатном мире людей могли или зверски убить, или, что похуже для них, – отпетушить с последующей записью на видео. Профессиональные садисты хорошо знали свое дело: большинство даже самых стойких уркаганов не выдерживали и ломались.

Как и следовало ожидать, уцелевшие блатные быстренько отписали «малявы» на соседние зоны авторитетным ворам: мол, нас гнобят тут по-черному, что делать? Ответ не заставил себя долго ждать: авторитетные воры посоветовали замутировать бунт, чтобы наконец показать оборзевшим мусорам, кто на зоне хозяин.

На какое-то время придушенная зона затихла, но затишье это было лишь временным. На «промке», то есть в промышленной зоне, скрытно изготавливались заточки, «пики» из арматуры и даже самодельные дробовики из стальных паропроводных трубок. Возможно, инспекторы оперчасти что-то и подозревали, возможно, лагерные стукачи даже информировали «кумовьев» о грядущих беспорядках. Однако докладывать Киселеву о зреющем бунте никто не спешил: ведь новые порядки и особенно «борьба с коррупцией» сильно подрывали бизнес и лагерных оперов, и контролеров, а потому все они были кровно заинтересованы в скором падении нового начальника.

К тому же действительно масштабных выступлений на зоне никто не ожидал. Максимум, на что рассчитывала оперчасть, – несколько выбитых стекол и поломанных ребер у наиболее ненавистных активистов. А уж после этого можно было начинать «завинчивать гайки» с утренней силой...

Однако дальнейшие события развивались не совсем так, как хотелось блатным. За сутки до запланированного выступления произошел стихийный инцидент на «промке», и этот инцидент стал той самой искрой, от которой и разгорелось пламя.

Кто-то из контролеров, остановив уважаемого «бродягу» и глядя поверх его головы, процедил:

– Ты, бычара, кепку перед начальством сними, а то щас на вахте тренироваться заставлю, надевать и снимать до самого утра!

Любой арестант, считающий себя авторитетным пацаном, всегда отвечает конкретным делом – в противном случае крест на зоновской, среди блатных, карьере. В печень контролера тут же воткнулась заточка, загодя выточенная тут же, на «промке».

Под крики «мочи козлов и мусоров!» зэки перешли к более активным действиям. Нескольких контролеров забили насмерть тут же, нескольким удалось удрать. Их, впрочем, особо и не преследовали. Спустя полчаса одним гигантским пожаром полыхала вся «промка», где в вечернюю смену работали около трехсот человек. Бунт мгновенно перекинулся и на жилую зону, отгороженную от промышленной высоченным бетонным забором с колючей проволокой. С вышек сразу же загремели автоматные очереди. Однако арестанты были к этому готовы: в стрелков тут же полетели бутылки с растворителем и зажигательной смесью – благо подобного добра на промзоне было более чем достаточно.

Бунтовщики действовали на редкость осмысленно, и это выдавало в их действиях четкий и хорошо разработанный план. Кроме загодя приготовленных дробовиков и бутылок с «коктейлем Молотова», в качестве оружия использовалось все, что попадалось под руку: ножки металлических кроватей, штыри, детали станков, даже длинные доски, утыканные гвоздями-«сотками». Вход на зону с огнестрельным оружием категорически запрещен охране по Уставу, однако двое контролеров с подоженных вышек почему-то спустились не в простреливаемый коридор между заборами, а непосредственно в «жилку». Так в руки бунтовщиков попало несколько «калашниковых» с боекомплектами.

Центральная вахта была заблокирована так, что охрана из прилагерного поселка не могла подняться к жилым баракам. Были быстро и грамотно подожены административный корпус и оперчасть – ночной пожар окончательно дезорганизовал начальство. «Козлов», то есть

лагерных активистов, просто заперли в их «козлячем» отряде, зловеще пообещав разобраться с ними чуть позже. Следующим шагом стал поджог кинологического питомника: ментовских собак арестанты ненавидели не меньше, чем их хозяев. Проводников собак, случившихся в питомнике, убили вместе с их псами.

Арестантам удалось даже завладеть бульдозером, стоявшим на «промке», и это сыграло в событиях едва ли не самую решающую роль. Кабину бульдозера наспех заэкранировали кровельными листами и мешками с песком. Пулю из «калашникова» такая импровизированная броня, конечно, не держала, но заметно сбивала балансировку траектории и гасила большую часть энергии. А главное, не позволяла уцелевшим стрелкам на вышках наблюдать момент попадания, лишая их тем самым удовольствия от удачных выстрелов. Урча мощным дизелем, бульдозер, напоминая уменьшенную модель бронепоезда, сминал на своем пути все: начиная от столбов с колючей проволокой перед контрольно-следовой полосой и заканчивая высоким бетонным забором между «промкой» и «жилкой».

Самому подполковнику Киселеву несказанно повезло: во время бунта он был за территорией зоны, в прилагерном поселке. Окажись он на зоне – его просто бы разорвали на части.

«Хозяин» стоял в заснеженном дворике служебного дома, и огненные отблески пожара ложились ему на лицо. В этом огне горела карьера начальника ИТК, его блестящий послужной список и безбедная пенсионная жизнь, до которой оставалось совсем немного. Глядя на багровые штопоры пламени, Киселев лишь печально матерился, прикидывая, чем это может закончиться и для зоны, и лично для него. Он понимал: единственный выход – срочно вызывать спецназ УФСИНа и внутренние войска подавления бунта. Понимал он и другое: после того как бунт будет подавлен, лучшее, на что он может надеяться, – это немедленное увольнение на гражданку. При худшем раскладе Киселев наверняка бы пошел за халатность на «Красную шапочку», специальное «ментовское» ИТУ под Нижним Тагилом, где порядки, по слухам, были еще хуже, чем те, которые он насаждал тут, в Хабаровском крае...

* * *

– Слышь, Малина? – чернявый жилистый арестант лет сорока приподнялся со шконки, почесал густо татуированной рукой такой же татуированный живот. – Там стреляют или мне это кажется?

Витя Малинин – тщедушный мужчинка с тонкой грязной шеей, в огромной робе и таких же не по размеру штанах – подошел к стене, облицованной «под шубу», приложил ухо к ее поверхности.

Сюда, за толстые стены штрафного изолятора, лишённого окон, обычно не проникали звуки извне. Однако теперь автоматные очереди звучали настолько громко, что были слышны даже тут.

– Стреляют, Чалый, – Малинин испуганно заморгал.

– Значит, не ввали... Бунт, суки, замутили. – Татуированный свесил ноги со шконки и нервно почесал затылок. – Хреново дело...

– Почему?

– А ты, чмошник голимый, еще не понял? Попишут нас тут. Как пить дать!

Так уж распорядилась судьба, что во время бунта в одной камере ШИЗО подобрались два совершенно непохожих зэка.

Особо опасный рецидивист Иннокентий Астафьев, или, по-лагерному, Чалый, был среди зэков едва ли не самой одиозной фигурой. Авторитетные воры давно уже приговорили к смерти, и потому лагерное начальство поселило его в ШИЗО без права выхода в жилую зону. У Чалого было тут все: наркотики, водка и даже молоденькие мальчишки-«петухи», которых ему

исправно поставлял тот же Киселев. При всей своей гнусности Чалый был человеком умным, хитрым и очень изворотливым, а главное, отличался быстротой мышления и гибкостью ума.

Что касается Виктора Малинина, то этот был зэк из совершенно иного мира: бывший вертолетчик сельскохозяйственной авиации попался на перепродаже авиационного керосина. Погорел Малина банально – просто забыл поделиться краденым с начальством, которое его и сдало ревизорам. А так как перепродажа украденного тянула на «особо крупные размеры», суд отправил бывшего авиатора на «строгач», перевоспитываться адекватно количеству украденного. Воспитатели на зоне попались отменные: спустя месяц он записался в «козлятник», или «актив», надев красную повязку. Однако «козел» из «первохода» получился никудышный: ведь Малина не пользовался среди арестантов абсолютно никаким авторитетом, к тому же дважды погорел на мелком воровстве. Как следствие – его быстро начали чморить свои же «козлы». Запахло самосудом, суицидом и прочими неприятностями. А потому начальник оперчасти от греха подальше упрятал его в ШИЗО. И не куда-нибудь, а в камеру к Чалому – в других камерах просто не было места. В перспективе Киселев собирался этапировать Малину на какую-нибудь дальнюю зону.

Зоновский бунт ни для Малинина, ни тем более для Чалого ничем хорошим закончиться не мог по определению. Ведь зэки наверняка бы попытались ворваться в ШИЗО, чтобы освободить товарищей по несчастью, которых в соседних камерах было с избытком. А уж тогда и лютого беспредельщика Чалого, и жалкого «козла» Малину ждала смерть от рук разгневанных арестантов, и хорошо еще, если недолгая и немучительная.

Вот и получалось, что единственным шансом спасти свои жизни был побег. Но как убежать с зоны, охваченной бунтом? А главное – куда? Ведь вокруг, насколько хватает глаз, – морозная заснеженная тайга, холод, безлюдье, бескормица и дикие звери... Да и менты наверняка будут из кожи вон лезть, чтобы отыскать беглецов! И уж тогда живым им вряд ли удастся выйти. Еще с гулаговских времен на Дальнем Востоке существует негласное правило: всех пойманных беглецов пристреливают «при оказании сопротивления».

И хотя слово «побег» пока не произносилось, оба арестанта думали о нем весь вечер, пока не заснули. А ночью проснулись от странного жара в камере. Спустя несколько минут в помещение медленно посочился едкий удушливый дым, какой обычно бывает от горящей резины. Вскоре прибежал испуганный контролер.

– Астафьев и Малинин, с вещами на выход! – свистящей скороговоркойскомандовал он. – Быстро, быстро...

– А что произошло, гражданин начальник? – непонятливо уточнил Чалый.

– Эти уроды только что ШИЗО подожгли. Сгорим ведь все на хрен! – контролер выглядел предельно обескураженным. – Или задохнемся. Давайте, давайте... Мне еще отвечать за вас!

Как и следовало ожидать, дальнейшего плана действий у контролеров ШИЗО не было. Всех без разбору арестантов, бывших в ШИЗО, просто выгнали из камер на коридор, а оттуда – во двор, в так называемую «локалку», то есть территорию, отгороженную от жилой зоны ячеистым забором, увенчанном густыми переплетениями колючей проволоки. Удивительно, но металлическая калитка была приоткрыта: видимо, перепуганный вертухай, сбегающий от расправы, попросту забыл ее затворить.

Над зоной стояло огромное огненное зарево. Языки пламени штопором вкручивались в черный бархат неба. Мрачный багровый свет выхватывал из зимней полутьмы контуры горящего клуба, проваленные окна оперчасти. По серым от гари сугробам разметались огромные силуэты, словно атомные отпечатки на стенах Хиросимы. Со стороны «жилки» доносились агрессивные вопли, беспорядочные выстрелы перемеживались с боевой матерщиной и металлическим лязгом. Донельзя агрессивная толпа громила абсолютно все, что еще было цело. Попытаться противостоять ей было совершенно бесполезно: это бы только подхлестнуло арестантов к новым безумствам.

Чалый, подняв воротник бушлата, чтобы его не узнали недавние жертвы, отошел в сторону, встав за полуоткрытой дверью. За ячеистым забором бежала толпа эков: налитые кровью глаза, полураскрытые рты, факелы и палки в сжатых руках... В сугробе корчился в предсмертных судорогах кто-то из контролеров с огромным бордовым пятном вместо лица. За забором на «промке» что-то гроыхнуло, и спустя мгновение яркие языки пламени взметнулись в таежное небо. Прозвучало несколько неуверенных пистолетных выстрелов, на которые наложились крики, а затем все стихло.

Несомненно, арестанты одерживали победу, но победа эта наверняка была временной. Не стоило и сомневаться, что бронетранспортеры спецназа Минюста уже приближались к мятежной колонии. Не вызывало сомнений и то, что расплата за бунт будет скорой и безжалостной.

Внезапно слух Астафьева рассверлил звук работающего на низких оборотах дизеля. Огромный бульдозер, заэкранированный широкими металлическими листами, шел прямо на забор, отгораживавший зону от КДП. Без особого труда проломив там широченную дыру, он выполз на контрольно-следовую полосу, смял несколько столбиков с «колючкой» и с механическим тарыхтением пополз на еще уцелевшую вышку.

Это был шанс, который дается только однажды в жизни... Чалый понял: сейчас или никогда. Ведь теперь, в полнейшем бардаке, да еще ночью, он мог уйти с зоны практически незамеченным. Да и калитка из «локалки» была не заперта.

Хищно осмотревшись по сторонам, Астафьев бросился в сторону огромного пролома, в мгновение ока миновал контрольно-следовую полосу. Как ни странно, звуковая сигнализация даже не сработала – видимо, бульдозер успел-таки ее повредить.

Теперь следовало как можно быстрее преодолеть простреливаемое пространство до зарослей кедровника, темневших метрах в ста двадцати. Бежать следовало изо всех сил – прожекторы кое-где светили. Автоматчики, еще остававшиеся на уцелевших вышках, могли скосить беглеца в любой момент. Однако Астафьеву невероятно повезло и на этот раз...

Он успел среагировать раньше, чем короткая очередь пробарабанила у него над головой. Беглец просто свалился ничком, зарываясь всем телом в сугроб. Вибрирующей струной запел рикошет, чмокнуло дерево. До спасительных зарослей оставалось не более пятидесяти метров, и Астафьев преодолел это расстояние в один рывок. Обессиленный бегом и нервными потрясениями минувшего дня, он упал лицом в снег.

Нервы были взвинчены до последнего – прежде всего из-за осознания собственной беспомощности. Зверь, уходящий от егерей, и то был бы куда в более выгодном положении. У зверя – зубы, клыки, когти, а у Астафьева была лишь заточка, с которой он не расставался даже в ШИЗО. Теперь следовало немного отдохнуть и как можно быстрее рвать дальше.

И тут обострившийся слух беглеца различил, как совсем рядом сухо закрипел снег под чьими-то подошвами. Качнулись мерзлые ветки, и огромная тень, отброшенная светом пожара, упала прямо на Чалого.

Татуированная рука судорожно потянулась к заточке. Беглец пружинисто вскочил, но тут же опустил железяку.

Перед ним стоял Малина.

– Тьфу, чмошник поганый! – с облегчением выдохнул Астафьев. – Что ты тут делаешь?

– А я... с тобой, – промямлил запаленный стукач.

– Что значит «со мной»?

– Ну, ты побежал, и я побежал.

– На хрена?

– Ты ведь сам сказал, что нас тут порежут...

– И что мне с тобой теперь делать? На зону иди, паучина, в свой «козлячий» отряд!

Лицо Малинина в одночасье сделалось виноватым. Казалось, еще чуть-чуть – и он бухнется перед Чалым на колени и оближет его «прохоря».

– Кеша, не бросай меня, пожалуйста! Мне теперь обратно пути нет. И за побег добавят, и зэки эти страшные... просто на части порвут! Я все-все-все буду делать, во всем помогать!

Астафьев прищурился, размышляя. Конечно, помощник из Малинина был как из говна пуля. Однако бежать вдвоем все-таки веселей, да и Малину в случае чего можно было бы припахать, а потом коварно подставить и бросить. Ведь этот арестант отличался недалеким умом и очень уступчивым характером.

– Хрен с тобой, – Чалый презрительно сплюнул в сугроб. – Ладно, беру. Только говорю сразу: в случае чего – порешу тебя тут, в тайге, и закопаю, на хрен, в сугробе. Я сказал, ты слышал! Пошли, паучина...

* * *

Так уж, наверное, случилось, что в ту ночь ангел, пролетающий над леском, где скрывались беглецы, решил заглянуть в свой мешок с добрыми вестями – не завалилось ли там чего-нибудь для Чалого и Малины, но нечаянно упустил завязку, и все добрые вести сразу рухнули на их головы.

Пройдя ночной тайгой километров шесть, недавние зэки вышли на пустынную заснеженную трассу. И почти сразу обратили внимание на далекий загадочный свет в перспективе шоссе. Прячась за посеребренными морозом стволами елей, Чалый и Малина осторожно подкрались к источнику свечения.

Огромный «Урал» с высоким кунгом, криво стоявший с краю шоссе, напоминал потерпевший крушение пароход. Под вздернутым капотом мерно покачивалась тусклая лампа-переноска. Неверный мутный свет выхватывал из темноты сосредоточенное лицо водителя. Склонившись над промасленным двигателем, он вдумчиво закручивал гайку.

– Стой тут! – угрожающим шепотом скомандовал Астафьев и, достав из кармана заточку, крадучись двинулся к водиле.

Шофер копошился в двигателе. Он явно не ожидал коварного нападения; ведь пустынное заснеженное шоссе не таило никакой опасности. Астафьев подкрался почти бесшумно – даже снег под подошвами зоновских «прохорей» ни разу не скрипнул. Удар под лопатку жертвы вышел точным и выверенным – водитель сразу же свалился под бампер и тихо застонал. Несколько раз дернувшись в конвульсиях, несчастный затих. Чалый тщательно утер кровь с металла, кивком головы подозвал напарника.

– За ноги – и во-он в тот сугроб! – свистящим полусшепотом скомандовал он. – И снегом хорошенько присыпь. Да обожди, обожди... «Кишки» с него стяни!

– А что такое «кишки»? – «переход» Малина еще не освоил всех тонкостей зоновского жаргона.

– Шмотки, паучина позорная! Нам что – в зоновских клифтах на вольняшке разгуливать? – окрысился Чалый. – Да быстро, быстро!

Малина, опасливо подхватив покойного за ноги, потащил его в лесок. А Астафьев склонился над промасленным двигателем. Он неплохо разбирался в автомобилях – в свое время даже окончил ПТУ как раз на водителя грузовика. Поломка оказалась несущественной. Спустя минут двадцать Чалый уже сидел в темной теплоте кабины за огромной баранкой «Урала». Малина, держа на вытянутых руках снятые с убитого водителя вещи, уселся рядом.

– Куда? – деревянным от страха языком вымолвил Малинин.

– В Февральск. – Чалый повернул ключ в замке зажигания, и двигатель отозвался низким ревом. – Это где-то в ста двадцати километрах отсюда. Если, конечно, я правильно просек, где мы теперь находимся.

– Так ведь там наверняка менты! – напомнил бывший вертолетчик. – Машины будут проверять, все такое...

– Мусора пока не знают, что мы эту точилу отмели. Я так секу, что они и про наш побег раньше, чем бунт на зоне не успокоится, тоже не узнают. Прикинь сам, какой там сейчас кипеш! Не до нас. Пока бунт подавят, пока всех убитых пересчитают, пока личные дела поднимут... Так что пока надо уходить как можно дальше, в отрыв. А ты пока посмотри, что тут в кабине интересного....

И тут беглецам повезло еще раз. Кроме паспорта и водительского удостоверения, нелишних в побеге, Малинин обнаружил несколько комплектов добротной гражданской одежды и даже две пары запасных сапог. Притом размеры и «кишек», и «прохорей» на удивление подошли обоим беглецам. Это было огромной удачей недавних эков: не разгуливать же на воле в зоновских бушлатах с нашитыми бирками-фамилиями!

– Живем, – довольно резюмировал Чалый.

– Так что – вот просто так, вещи убитого носить? – пролепетал Малина.

– Ну ты и лошара! – Астафьев даже не нашел в себе сил, чтобы разозлиться на наивного спутника. – А ты как хотел? Решил со мной бежать – слушайся. Нет – сейчас рядом с водилой этой точилы в сугробе прикопаю.

Тяжелый грузовик валил по пустынной трассе с уверенностью штурмового танка. Утюгообразный капот заглатывал все новые и новые километры шоссе. Слепой свет мощных фар рассекал темную перспективу дороги. Гулко бухали протекторы по промерзшему асфальту.

Несколько часов ехали молча. Вскоре повалил пушистый густой снег – это также было большим везением. Снег надежно заметал следы грузовика на безлюдной трассе, а это означало, что о возможной погоне можно не беспокоиться. По крайней мере – в ближайшее время.

Малина, разомлевший в теплой вони кабины, вскоре заснул, прислонившись головой к дверке. Чалый, то и дело бросая на него напряженные взгляды, гнал «Урал» подальше от охваченной бунтом колонии.

К утру, когда небо над тайгой незаметно посерело, снегопад перестал. Из-за пологих заснеженных сопок показались редкие сизые дымки. Астафьев притормозил, съехал на обочину и свернул в лесок.

– Аллю, Малина! Подымайся! – нервно растолкал он напарника.

– А? Что? – спросонья не понял тот.

– Поднимайся, говорю!

– Зачем? – Витек непонятливо вытаращился; он явно не мог понять, как очутился в этой кабине.

– Дальше на своих двоих пойдем!

– А как же...

– Тачку придется бросить. Свое отработала, больше не нужна. Да и найдут нас теперь по ней.

Малинин хотел было что-то возразить, но, столкнувшись взглядом с безжалостными глазами собеседника, посчитал за лучшее этого не делать. «Первоход» Витек прожил с уркаганом Чалым в одной камере ШИЗО целых полторы недели, и этого времени оказалось достаточным, чтобы осознать, какой это страшный и непредсказуемый человек.

Беглецы отошли с обочины в лесок, предусмотрительно уселись в густом ельнике, откуда можно было наблюдать дорогу.

– Вот тебе ксивы того водилы, вот заточка на всякий случай, – произнес Чалый, протягивая напарнику оружие и паспорт убитого. – Иди в Февральск, выясни, какая там ситуация. Ну, типа ищут нас, не ищут. Сколько ментов на улицах. Есть ли мусорские псы. Заодно посмотри, что можно дербануть. У нас ведь ни харчей, ни курева, ни водяры, ни лавья. Я-то Февральск хорошо знаю, но только вот моя морда там каждой собаке известна.

– А если туда действительно целый полк мусоров нагнали? – Малинин опасливо пожегся. – А если все оцеплено? А если тормознут?

– Негде им теперь целый полк мусоров набрать, так что не тормознут. Я в этом поселке когда-то целую зиму кантовался. В Февральске бомжей столько же, сколько и постоянных жителей. И постоянно меняются. Мусора всех в лицо по-любому не упомянут, а картотек на тех бомжей никто не ведет. А у тебя видок теперь вполне подходящий. Чухан чуханом. Я тебя тут буду ждать. Не бзди, Малина, – прорвемся!

Глядя в спину удаляющемуся Малинину, Чалый испытывал явную опаску. Ведь запались этот чухан в поселке – он обязательно приведет с собой ментов. Но выбора не было: оказаться безо всяких средств к существованию в заснеженной тайге – верная смерть. А деньгами, спиртным, табаком и продуктами можно было разжиться только в Февральске.

Глава 2

Огромная черная ворона, сидевшая на заснеженной лиственнице, повела головой, шелкнула клювом и устоялась на дверь избышки, стоявшей неподалеку от леса. Ритмично застучал по кедровому стволу красавец дятел, и удары гулким эхом отразились от ближней сопки. В ельнике завозились красногрудые снегири и тут же вспорхнули, всполошенные куницей.

Зашумел ветер в заснеженной хвое сосновых вершин. Последние звезды тихо погасли в посветлевшем небе. Само небо словно бы уплотнилось и сузилось. Тайга, окончательно стряхнувшая с себя остатки ночного мрака, вставала во всем своем зимнем величии.

Из избышки вышел высокий статный мужчина в собачьих унтах, тулупе-самошине и такой же самошивной ушанке. Мужчина этот одновременно напоминал и первопроходца времен Семена Дежнева, и положительного героя голливудского вестерна. Взгляд у него был точный, строгий, глаза окружены сетью мелких морщинок, как у каждого, кому долго и пристально приходится вглядываться в даль. Движения были точными и размеренными, и это выдавало в нем опытного и бывалого таежника.

Осмотревшись, он присел, почерпнул ладонью снег, растер его пальцами и понюхал.

– Пурга ночью была... – пробормотал он с интонациями человека, который долго живет в одиночестве и привык разговаривать сам с собой.

Из дверей выбежала черная мохнатая лайка и просительно взглянула хозяину в глаза – мол, ну что, пойдём на охоту?

– Пойдем, Амур, капканы проверим! – хозяин зимовья потрепал пса по загривку. – Только вот дай себя в порядок привести!

Со стороны заснеженного проселка заурчал автомобильный двигатель, печально хлипли рессоры, и эти звуки заставили мужчину невольно обернуться.

На обочине притормозил полицейский «УАЗ» в полной боевой раскраске. Хозяин лесного домика с трудом удержался от витиеватого ругательства. На «уазике» прибыл начальник местного РОВД капитан Олег Прелясковский, один из немногочисленных представителей власти не только в Февральске, но и на многие сотни километров вокруг. Можно было не сомневаться, что этот мент приехал сюда не просто так.

Капитан Прелясковский – лысенький, пузатенький, зализанный, рано налившийся жирком – даже не соизволил протянуть хозяину руку.

– Ну, здравствуй, Каратаев, – бросил он развязно и без приглашения пошел в избышку.

Делать было нечего – хозяин с плохо скрываемым неудовольствием отправился за ним. Он знал, как следует принимать этого гостя. На столе в одночасье появился копченый рябчик, свежесваренный индийский чай, соленые грузди и малосол из свежей нельмы. Подумав, хозяин избышки выставил на стол и бутылку питьевого спирта.

– Умеешь, Миша, начальство принимать, когда захочешь. – Начальник РОВД внимательно осмотрел бревенчатые стены, конопаченные мхом, висящие на стенах шкуры, добротную самодельную мебель. – Хотя и живешь небогато. Почему в город не перебрался до сих пор?

– Чтобы таких гостей, как ты, было где принимать... Да и было чем. Где я тебе в городе рябчиком разживусь?

– А вообще молодец, молодец... – не обращая внимания на реплику хозяина, продолжил правоохранитель. – Я вот раньше думал, что ты говно, а не мужик. Ну, когда на зону попал. Ошибался, оказывается...

Михаил никак не отреагировал на эту похвалу; лицо его оставалось непроницаемым и спокойным, словно деревянная маска северного идола. Тем временем Прелясковский налил себе спирта, отрезал копченой птицы и вопросительно взглянул на хозяина – мол, а что же ты?

– Не пью с утра, – спокойным басом ответил тот. – Ты же меня знаешь.

– Да ты и по вечерам не пьешь, здоровье бережешь, – снисходительно улыбнулся правоохранитель и немедленно выпил. – Ладно, догадываешься, зачем я к тебе?

– Никак нет, гражданин начальник.

– Да брось ты, Миша, ты ведь уже не на зоне. Вольный человек второй год! – Подумав, мент налил себе еще спирта. – Ты что – вообще не знаешь, что в Февральске произошло?

– А что там произошло?

– Гражданин Каратаев, вот скажи мне, как профессиональный охотник: ты с амурскими тиграми когда-нибудь сталкивался?

– Следы в тайге иногда вижу, – по размышлению ответил Каратаев, прикидывая, с чего это вдруг мент заинтересовался амурскими тиграми. – Царапины от когтей на древесной коре тоже пару раз замечал. Три или четыре раза приходилось и вживую встречаться. Издали, правда. Но стрелять как-то не случилось: ты ведь сам знаешь, что они в Красную книгу занесены.

– Боюсь, скоро нас, белых людей, надо будет в Красную книгу заносить! – засокрушался полицейский капитан. – По крайней мере тут, на Дальнем Востоке. Мало того что народ отсюда в Центральную Россию бежит, так еще и полосатый убийца объявился!

– Тигр-людоед? – недоверчиво прищурился охотник.

– Вот-вот.

– А откуда известно, что он людоед?

Прелясковский деловито допил спирт, зажевал малосольной рыбой, вновь заинтересованно взглянул на бутылку.

– Ты Дюню Ушастого знал?

– А кто это?

– Бомж, из опущенных, бутылки по всему Февральску собирал, а жил в заброшенном вагончике за помойкой. Да видел ты его сто раз, морда у того Дюни как печеное яблоко!

– Я с подобной публикой не дружу, – равнодушно напомнил охотник.

– А мне по должности как раз и положено дружить с гражданами разной степени маргинальности. И не только с охотниками, но и с бомжами. Короче, нашли вчера этого Дюню на окраине поселка, рядом с помойкой. То есть уже не самого Дюню, а то, что от него осталось. Сто процентов тигр, больше некому. Вот, взгляни, – Прелясковский протянул собеседнику пачку оперативных фотографий.

Каратаев спокойно перетасовал страшные снимки с окровавленными останками несчастного бомжа. Ни один мускул не дрогнул на лице охотника: за свою жизнь он и не на такое посмотрелся. Одна отдельная фотография с отпечатком огромной лапы в снегу сразу же привлекла внимание Миши.

– Это действительно тигр, – спокойно подтвердил промысловик-таежник. – И судя по всему, матерый. Скорее всего, самец. И что теперь?

– Как ты уже понял, сожрал этот тигр нашего Дюню без хлеба и соли, только голова да кости остались. Уж если этот зверь хоть раз человечины попробовал – то наверняка захочет еще раз.

– Тигры – они такие, – степенно согласился таежный охотник. – Обычно людоедами становятся или старые, или больные, или раненые животные, которые не могут или не хотят охотиться. Ведь человек – всегда легкая добыча! Да и люди в тайге обычно ведут себя очень безопасно. Ладно. А от меня что требуется? Ведь ты тут начальство, да и табельное оружие тебе по закону положено! Вот и охотись на своего людоеда!

– Из пистолета тигра не убить. К тому же его в тайге еще и найти надо. У нас на весь Февральск ты, Миша, – единственный профессиональный охотник-промысловик. Лучше тебя на сто верст вокруг никто не стреляет. Я бы даже сказал, что ты – единственный человек, который может найти на этого людоеда управу, – неуклюже подольстил мент и демагогически

обобщил: – И вообще наши органы правопорядка всегда были сильны поддержкой честных граждан. Так что, если попадетсЯ тебе этот жуткий зверь, – стреляй сразу! А еще лучше – иди в тайгу и ищи его. Или капканы какие-нибудь поставь. Договорились?

– А ты меня потом в свою ментуру закроешь, – спокойно возразил Миша Каратаев. – Мол, нарушение правил охоты, злостное браконьерство, промысел зверя, занесенного в Красную книгу... Знаю я тебя!

При этих словах собеседника Прелясковский почему-то разнервничался, да так сильно, что сразу же налил себе еще спирта.

– Да ведь ты в тайге один будешь, без свидетелей! Пойми: вчера это чудовище бомжа схавало, сегодня – меня... или кого-нибудь из моих родных. А завтра – тебя!

– А вот меня оно точно не схавает! – успокоил охотник-промысловик. – Я-то таежные законы знаю!

– ...и вообще: ты у меня договоришься! – продолжил правоохранитель, словно бы не расслышал реплики. – На тебя, ранее судимого, карабин зарегистрирован. А кто тебе его позволил – забыл?

– А я уже давно реабилитирован, у меня и справка есть, – вставил Миша, однако мент никак не отреагировал на эту реплику.

– Не забывай, что я тут и разрешительный отдел, и прокурор, и вообще – единственная верховная власть! – напомнил Прелясковский с нескрываемым высокомерием. – Ты хоть это понимаешь?

– Закон тайга, медведь хозяин, – напряженно прищурился Миша. – Ладно, не кипешуй. Давай сделаем так. Ты привези мне официальное разрешение на отстрел тигра-людоеда, на соответствующем бланке, с печатью и подписью, вот тогда я буду им заниматься. А без этого – извини, никак. Ты ведь мне конкретную уголовную статью предлагаешь. Любоваться балдохой сквозь решку мне больше не хочется... Насмотрелся в свое время.

И тут Прелясковский неожиданно согласился.

– Официальное разрешение, говоришь? Хорошо, сделаю. Только тогда уговор такой: ты тигра не просто пристрелишь, а мне еще и тушу принесешь. Со шкурой, клыками, хвостом, печенками-селезенками... ну, и всем остальным. За соответствующее, как говорится, вознаграждение. Только не от меня лично, а от поселковой администрации. Договорились?

– Когда принесешь, тогда и договариваться будем, – бросил хозяин избушки. – Что-то еще?

Начальник РОВД промолчал, захрустел соленым груздем. Глянул в угол, где на растяжке сушились уже выскобленные соболя шкурки. А затем произнес как бы невзначай:

– А все-таки зажиточный ты мужик, Миша! Наверное, кроме мехов, у тебя тут еще полные кладовые мороженой птицы и зверя?

– Не без того, – безо всяких эмоций ответил промысловик. – А еще соленые грибы, мороженые ягоды, мед, сушеные травы.

– И питьевой спирт, наверное, имеется?

– Привожу из Хабаровы, когда там бываю. Исключительно для хозяйственных нужд.

– А благодаря кому ты стал таким вот зажиточным? Благодаря своему оружию, рабочему, так сказать, инструменту. А кто тебе разрешение на этот карабин выписал? – бесстыдно напомнил мент. – Кстати, оно у тебя через два с половиной месяца заканчивается, другое надо будет оформлять. Ко мне пойдешь или в Хабарову за тридевять земель поедешь?.. Я-то не настаиваю. Есть лишнее время – езжай в Хабаровск. Нет – подскочи на своей машине ко мне в райотдел, договоримся. Надеюсь, ты меня правильно понял?

Спустя минут двадцать поселковый правоохранитель, прижимая к груди пакет с дежурными подарками (мороженный глухарь, спирт, кедровое масло, нельма и выделанная соболя шкурка), двигался по протоптанной в снегу дорожке к своему «уазику».

А Миша, закинув за спину карабин, экономным шагом таежника уходил на лыжах в дремучую тайгу. Верный пес Амур бежал следом. Охотник тщательно прокладывал лыжню по свежему снегу, прикидывая маршрут, рассчитывал время. Каратаеву хотелось вернуться к себе еще засветло. Хотя и понимал, что теперь, когда в тайге объявился тигр-людоед, планировать что-нибудь наперед решительно невозможно...

* * *

Поселок Февральск, построенный еще сталинскими зэками в тридцатые годы прошлого века, когда-то был весьма многолюден. По слухам, еще лет тридцать назад тут жили почти сорок тысяч человек. Пик расцвета пришелся на семидесятые-восемидесятые годы прошлого века, когда неподалеку прокладывали ветку Байкало-Амурской магистрали. Тогда среди тайги появились поликлиника, новая школа, четыре асфальтированные улицы и даже Дом культуры. Однако теперь Февральск являл собой жалкое зрелище, и население поселка уменьшалось день ото дня. Народ с Дальнего Востока массово бежит на «Большую землю», то есть в Центральную Россию. Причин этому много: нечеловеческие условия жизни, суровый климат, отсутствие нормальной медицины, прогрессирующая нищета и невероятный беспредел местных властей... Да и «северные надбавки» давно уже отменены; сегодняшний Дальний Восток – это край огромных просторов и маленьких зарплат.

К тому же условия жизни в Приморье весьма специфические. Хронический недостаток витаминов приводит к тому, что уже к тридцати пяти годам у половины населения вставные зубы. Туберкулез, цинга и даже хроническая дистрофия тут тоже нередкие гости. Немногие могут такое вынести.

Так что теперь в поселке насчитывалось не более двенадцати тысяч населения. Те, кто помоложе да поамбициозней, давно уехали из Февральска в Центральную Россию. Остальные, преимущественно пенсионеры, доживали свой век тут. Рабочих мест в Февральске было немного: небольшая консервная фабрика, лесопилка да вертолетная часть на окраине. Поселковая жизнь была чудовищно убогой в своем однообразии. Серые рабочие будни, похожие друг на друга, как пуговицы на солдатской шинели, редкие праздники с дикими пьяными загулами, «ершик» в пивнухе по поводу выплаченной зарплаты... Местные нравы не отличались высокой моралью. В Февральске пили абсолютно все мужчины и большая часть женщин, притом пить начинали не позже, чем с четырнадцати. Тотальное воровство и незамысловатый разврат были нормой жизни для большинства. Поселчан не смущали ни малолетки, начинающие трахаться с двенадцати, ни десятиклассницы, по несколько раз переболевшие «сифоном», ни пьяные драки, которые случались на февральских улицах по три-четыре раза в неделю. Да и невероятное количество бомжей, облюбовавших Февральск из-за близости к БАМу, также растлевало сельчан. С каждым днем бомжей становилось все больше и больше, равно как и нелегалов-китайцев, которые пачками прибывали из-за Амура под видом челноков-торговцев, но возвращаться в Поднебесную не спешили.

Однако и все без исключения местные, и бомжи, и даже недавно прибывшие китайцы прекрасно знали Михаила Каратаева. Человек этот был в Февральске личностью очень известной: потомственный охотник-промысловик, ветеран последней войны на Северном Кавказе, лучший таежный следопыт во всех здешних краях...

Каратаев происходил из «кержаков» – так испокон веков называют в Сибири и на Дальнем Востоке староверов, чьи предки перебрались сюда еще в восемнадцатом веке от притеснений московских царей. Люди эти отличаются не только редкостным трудолюбием и похвальной трезвостью, но и неиспорченной нравственностью. Скиты и поселки староверов всегда выделялись чистотой и ухоженностью – особенно на фоне «разлюли-малины» бывших зэков и отставных вертухаев, массово оседавших неподалеку от исправительных лагерей в шестиде-

сятых-семидесятых. Среди староверов практически никогда не встречалось нищих, брошенных детей и чудовищного распутства, как это можно наблюдать в Приморье на каждом шагу. Выходцы из староверческих семей никогда не пили и не воровали. Безделье считалось одним из тягчайших пороков.

Поначалу у Миши было все, как у всех поселковых детей: школа, походы в тайгу за грибами и ягодами, незамысловатые детские игры, сильная помощь родителям. Разве что стрелял он куда лучше всех своих сверстников, что и неудивительно: с охотничьим оружием Миша познакомился едва ли не раньше, чем с букварем. Отменное здоровье и выносливость позволили Каратаеву попасть в элитную часть ВДВ. О своей службе на Северном Кавказе охотник не любил распространяться, но медаль «За отвагу» красноречиво свидетельствовала, что Миша наверняка не отсиживался за чужими спинами. Демобилизовавшись, он отверг заманчивые предложения поступить на контракт или пойти в военный институт, и вернулся на родину. Охотником был его отец, охотниками были его дед, прадед, прапрадед... Вот и Каратаев решил продолжить давнюю семейную традицию. Что-что, а дальневосточную тайгу он знал куда лучше, чем начальник РОВД Прелясковский – свой кабинет. Тайга была его настоящей семьей и, кажется, одной из немногих привязанностей в жизни.

Сперва все складывалось как нельзя лучше. Миша регулярно ходил в тайгу, ставил силки и капканы, бил зверя и птицу из карабина, регулярно сдавал шкурки в Хабаре. Сильно на этом, конечно, не разбогатеешь, однако потомственный промысловик слыл в Февральске человеком небедным. К тому же таежный охотник почти не выпивал, занимался хозяйством и вообще имел репутацию «мужчины самостоятельного».

И вот три года назад Миша вновь отправился в Хабаровск, сдавать добытую пушнину перекупщику. Как часто водится у дальневосточных барыг, перекупщик этот водил взаимовыгодную дружбу с ментами, которые его крышевали. Менты и взяли охотника-промысловика непосредственно после получения наличных денег, потребовав впредь делиться «с половины», в противном случае обещали огромные неприятности. Предложение Каратаеву не понравилось – он просто послал вымогателей куда подальше. Мол, и отец мой был охотником-промысловиком, и дед, и прадед, и прапрадед, и никто из них никому «с половины» не отстегивал. Как выяснилось чуть позже, сделал он это очень зря: на следующее утро Мишу «приняли» прямо на автобусном вокзале и отвезли в райотдел, где предъявили фотографию трупа какого-то бизнесмена, выловленного в карьерах. Мол, мужик этот был застрелен точно из такого же карабина, как твой, так что колись – за что замочил, при каких обстоятельствах...

И хотя в уголовном деле об этом убийстве зияли огромные дыры, ни прокурор, ни судья не захотели их замечать. Как и следовало ожидать, «кассационка» также осталась без должного внимания. Осужденный Каратаев пошел по этапу на зону. Правда, просидел он там всего лишь полтора года вместо положенных пятнадцати: так уж получилось, что другие менты нашли не только настоящих убийц, но и неопровержимые улики непричастности к преступлению осужденного...

Как и положено, был пересуд. Каратаева с извинениями выпустили и даже выплатили ему компенсацию – только бы этот упорный человек не поднимал шум. Однако потомственный охотник-промысловик не захотел больше жить среди людей. Он окончательно поселился в тайге отшельником и почти ни с кем не водил дружбу. Правда, по слухам, Мишу нередко видели у дома медсестры из местного гарнизона Тани Дробязко. По другим слухам, молодые люди вроде бы даже недавно подали заявление в ЗАГС. Однако слухи эти так и оставались слухами – никто их не подтверждал и не опровергал.

Многие уважали его, не понимая. Многие понимали, но осуждали. Как бы то ни было, но вслух своих мыслей и уж тем более оценок никто из посельчан не высказывал. Каратаева в поселке побаивались. Все знали, что он скуп на слова и скор на расправу. Знали также и

то, что Миша – человек по-своему очень добрый и честный и расправа никогда не бывает несправедливой...

...Короткие лыжи, подбитые лосиным камусом, мерно продвигались, уплотняя снег. Лайка бежала за хозяином следом по твердому насту. До капканов, поставленных вчера вечером, оставалось всего ничего – километра четыре.

Неожиданно сердце опытного охотника тревожно забилось; на девственно-белом снегу отчетливо проступали крупные следы... Их нельзя было спутать ни с чьими другими; конечно же, это был тигр и, судя по размеру следа, тот самый людоед.

Остановившись, Михаил осторожно снял с плеча карабин и прислушался. Звенящая тишина царила среди укрытых снегом деревьев. Но тишина тут, в тайге, всегда была обманчивой; коварный и кровожадный хищник мог притаиться за любым сугробом.

Положив палки на наст и стараясь не шуметь, охотник осторожно присел на одно колено и принялся внимательно изучать следы.

Каратаев понял: тигр прошел здесь недавно, максимум полчаса назад.

Глава 3

– Значит, Витек, ментов вообще не видел? – Чалый недоверчиво шурился на напарника, только что вернувшегося из Февральска.

– Ни одного, – Малинин честно округлил глаза. – И вообще людей очень мало. Половина домов вообще с заколоченными окнами. И почти все вагончики пустые. Я в один заглянул – даже мебель осталась и занавески на окнах. Такое ощущение, что тут эпидемия чумы или холеры прошла!

Астафьев прищурился, прикидывая, можно ли верить Малине. Витька не было три с половиной – четыре часа. За это время менты вполне могли заковать этого трусливого чмошника, сперва закошмарив его обещанием пыток, а затем, туманно посулив прощение, предложили выманить в Февральск напарника. Однако по размышлению этот вариант был Астафьевым отброшен: ведь Малина боялся его, Чалого, куда больше, чем всех дальневосточных ментов, вместе взятых. Да и выглядел Витек не таким испуганным, как того можно было ожидать после встречи с ментами.

– А что там еще есть?

– Ну что... Ничего интересного. Снег, сугробы, помойки...

– Да ты, козлина, можешь со мной по делу базарить? – в голосе Чалого послышались явные нотки раздражения. – Или я тебе биксота голимая и ты мне тут пургу будешь гнать да по ушам ездить? Магазины там еще какие-нибудь остались? Сберкассы, аптеки, столовые... Парикмахерская хотя бы какая-нибудь сраная. Еще что-нибудь интересное? Ну!

Малинин испуганно заморгал. От растерянности он даже отошел назад, неловко свалившись в сугроб под лиственницей.

– «Культтовары» на окраине.

– Помню, помню. Еще тот гадючник. Заходил?

– Нет. Магазин только в полдень откроется. Там на двери табличка висит.

– Сигнализация есть?

– Не знаю...

– В окна заглядывал?

– Нет...

– А рядом что? Ну, ментура, жилые дома... Машины какие-нибудь или вездеходы...

– Да не видел я вездеходов!

– Людей на улицах много? – со следовательскими интонациями продолжал допытываться Чалый. – Ну, бомжи, может быть, или случайные прохожие...

– Как-то не заметил...

– Ну ты прям как целка: «не знаю», «не видел», «не замечал»... – окрысился рецидивист с неожиданной агрессией. – Ладно. Пошли, покажешь. А то я тут уже почти все подзабыл.

Путь до Февральска занял всего полчаса по обледеневшей трассе. Задувал холодный ветер, по ногам стегала холодная колкая поземка. Глаза постоянно резало от белоснежных ландшафтов. Ни единой машины на шоссе не наблюдалось, на заметном снегом асфальте не было видно даже следов протекторов. Вот Чалый и решил, что прятаться не стоит, тем более что обоим беглецов вполне можно было принять за обычных бомжей – неизменную составляющую дальневосточного ландшафта.

Окраина поселка представляла собой хаотичное нагромождение бревенчатых барачков, дровяных сараев, снятых с колес железнодорожных вагонов да кирпичных двухэтажек с облезлой штукатуркой. Едва ли не перед каждым домом возвышалась огромная замерзшая помойка, присыпанная снегом – ведь поселчане на протяжении долгой зимы сбрасывали мусор просто в сугробы. Смешение архитектурных стилей подтверждало тезис о полном слиянии города

и деревни. Магазин, о котором говорил Малина, располагался в длинном неказистом строении, немного напоминавшем коровник, с красными заплатами кирпичей и пупырчатым муаром промерзшей плесени на стенах. На дверях висела фанерная табличка «Учет товара до 12.00». Ни единого человека рядом не было, даже похмельных бомжей.

Чалый, переложив заточку из кармана в сапог, осторожно взялся за ручку двери. Удивительно, но дверь оказалась незапертой. Он подошел к зарешеченному окну, осторожно заглядывая вовнутрь. В свете тусклой лампочки он сумел различить лишь два женских силуэта да товарные полки, отблескивавшие бутылочным стеклом.

– Так, Малина. – Астафьев цвыркнул на снег длинной желтой слюной. – Слушай внимательно. Сейчас заходим. Улыбаемся. Аккуратно так осматриваемся, что там есть. Делаем вид, что типа выбираем покупки. Потом я резко кошмарю баб, которые за прилавками и на кассе. Ты по-быстрохе сметаешь все, что там есть. Заменжешься или заочкуешь – порешу тебя на месте, мне терять уже нечего. Просек тему, мудила?

* * *

Миша Каратаев возвращался из тайги в отличном расположении духа, и причиной тому была завидная добыча: довольно большая куница, соболь, лисица и несколько белок...

Правда, на душе все-таки было беспокойно. Следы тигра, которые он видел в тайге, никак не шли из головы. Да и фотографии, которые показал ему Прелясковский, свидетельствовали о многом. Каратаев решил пока что не выслеживать кошку-убийцу: ведь за убийство амурского тигра, занесенного в Красную книгу, действительно можно схлопотать срок.

Потомственный охотник-промысловик слышал еще от отца: тигры-людоеды появляются тут, на Дальнем Востоке, в среднем раз в тридцать лет. Последнего вроде бы пристрелили в восемьдесят седьмом году, когда сам Миша был еще пацаненком. Но тогда полосатым людоедом было кому заниматься: ведь кроме охотников-промысловиков, в районе Февральска дислоцировалась и крупная воинская часть, и пограничники, да и серьезных промысловиков еще было немало... Тогдашние менты тоже были не в пример нынешним. Так что главмент поселка по-своему был прав: уж если каннибал обнаглел до того, что начнет убивать людей среди бела дня прямо в Февральске, заниматься им, кроме Каратаева, больше некому...

К тому же амурские тигры отличаются редкой сообразительностью. Миша хорошо помнил рассказ деда, которому довелось столкнуться с царем тайги еще в пятидесятые годы. Пока охотник шел по его следу, тигр умудрился сделать огромный крюк и идти по следу преследовавшего его промысловика, так что какое-то время они ходили по тайге друг за другом по кругу. А когда внимание таежника притупилось, тигр неожиданно напал на него сзади. Деда-охотника спасли только отменная реакция да недрогнувшая рука: он успел обернуться и выстрелить на мгновение раньше, чем рыже-полосатая кошка бросилась на него.

Размышляя таким образом, Михаил и сам не заметил, как подошел к родной избушке. Стряхнул с унт налипший снег, повесил на стену карабин, аккуратно разложил на скамье добычу, быстро затопил печь. Разгорающиеся сухие поленья наполнили зимовье здоровым смолистым духом, освещая нехитрое убранство единственной комнаты: массивный дубовый стол посередине, длинную скамью, книжные полочки с разноцветными корешками над ней, пару низких табуреток, небольшую холостяцкую кровать у стены и темный ореховый шкаф в углу.

Сдвинув на край стола скромную деревянную посуду, Каратаев с профессиональной быстротой освежевал тушки, тщательно обскоблил и натянул шкурки на специальные рамки. Неторопливо, со вкусом поужинал, покормил лайку, взял с полки первую попавшуюся книжку, улегся на койку...

Читать не хотелось. Спать – тоже. Вот Миша и принялся за работу; он никогда не мог сидеть без дела. Достал из шкафа заготовленные куски оленьей шкуры, шило, большую иглу и принялся дошивать унты. Унты были уже почти готовы – осталось лишь несколько ответственных штрихов. Этому простому на первый взгляд, но на самом деле – очень хитрому и ответственному ремеслу еще в ранней юности его обучил отец; ведь шить унты всегда считалось в тайге сугубо мужским занятием. Охотник даже предполагал украсить их немудреной вышивкой; должны ведь отличаться женские унты от мужских!

Унты, небольшие и изящные, предназначались для Тани Дробязко: близилось Восьмое марта, и такой подарок наверняка обрадовал бы возлюбленную. Работа спорилась, и спустя полтора часа все было готово. Отложив унты, Каратаев взглянул на настенный календарь с датами, густо обведенными чернильными кружками.

– Восьмого же она на дежурстве... – вспомнил он. – А сегодня – седьмое, у них в гарнизоне как раз праздник... И меня пригласила. Как это я мог забыть?

Добраться до военной части на окраине Февральска можно было на старом праворульном джипе. Этот внедорожник, купленный на компенсацию за несправедливо проведенный на зоне срок, да еще хорошо пристрелянный карабин были едва ли не единственными ценными вещами потомственного охотника.

Заурчал прогреваемый двигатель. Джип, подобно речному катеру, медленно отчалил от избушки-зимовья и неторопливо поплыл по узкому руслу-дороге меж величественными деревьями, покрытыми снеговыми шапками.

* * *

Единственный на весь Февральск магазин «Культтовары» предоставлял ассортимент, связанный не столько с культурой, сколько с каждодневными потребностями жителей поселка. Первым пунктом среди этих потребностей стояло, конечно же, спиртное. Каковое и было представлено на полках в самой широкой гамме: от «Ханшины», мутной китайской водки ценой чуть дороже ацетона, до весьма недешевого венгерского «Токая», неизвестно как оказавшегося в этом забытом богом магазине. От обилия и разноцветья этикеток на полках рябило в глазах. Вторым пунктом, как и следовало ожидать, стояла закуска. Ее было куда меньше, чем спиртного: китайская лапша быстрого приготовления, китайский рис, китайская гречка, китайские маринованные грибы и китайская же тушенка. Собственно же культурный ассортимент был представлен школьными тетрадями, одноразовыми авторучками, огромным количеством стаканов и рюмок всех мыслимых и немыслимых калибров, а также небольшой полкой с запыленными книгами, примостившейся за алко-товаром.

Над винно-водочным прилавком языческим идолом возвышалась огромная тетка – эдакая гора неряшливо слепленных окороков, прикрытых потертым армейским тулупом. Громадная как всплывший утопленник, она раздраженно щелкала настольным калькулятором, записывала в растрепанную тетрадь поступивший товар.

Напарнице – молоденькой и вертлявой девке-чернявке в промтоварном отделе – считать было нечего. Ни тетрадей, ни авторучек, ни тем более книг в Февральске почти не покупали. Исключение составляли разве что стаканы и рюмки, однако новую партию посуды в этот раз не завезли.

– Ты бы мне помогла, что ли, – продащица винно-водочного недобро зыркнула на молодцу. – Стоишь тут с самого утра, мечтаешь... О мужике небось?

– Да разве в нашем Февральске мужики-то толковые остались? – трагично вздохнула чернявка.

– Ну а Миша Каратаев? – закончив с подсчетами, огромная тетка отложила калькулятор. – Чем не мужик?

– Тоже мне, нашла о ком вспоминать. Ты бы еще о Ди Каприо размечталась... Миша – классный дядька, конечно же! Красивый-богатый-неженатый. Но ведь он с медсестрой Танькой ходит. Тоже мне, нашел на кого глаз положить! Ни кожи ни рожи...

– А ты сделай так, чтобы он на тебя глаз положил... Ты ведь баба, должна уметь мужчин соблазнять!

– Так ведь Миша на всех наших поселковых девок давно уже забил! – с еще большим трагизмом воскликнула молодница. – И вообще странный какой-то. Живет как ненормальный в тайге, а в Февральске раз в неделю появляется. Нет чтобы в клуб пойти или в гости к кому, нажраться по-человечески, так нет. Поставит свой джип – и сразу к Таньке. А Дробязка, та, наверное, пока его рядом нет, на стороне амуры крутит в своем гарнизоне.

– А ты видела?

– А чего тут смотреть? Знаю я тех медсестер! Все на передок слабы! А как им спирта нальют – и подавно...

– Тяжело нам, одиноким бабам... – бесформенная туша в тулупе с драматичным вздохом отложила тетрадь. – И сходить в нашем сраном поселке уже некуда. Клуб был, и тот закрыли. И мужиков нормальных не осталось. Или бомжи, или пенсионеры, или китайцы...

– ...или вертолетчики, – напомнила молодая продавщица.

– Да ты про тех козлов лучше и не вспоминай! Одни алкаши и хамы. Ни обхождения, ни понятия. Кроме мата и армейских команд, других слов и не знают. Сюда же, в нашу часть, самый что ни на есть сброд отправляют со всего Дальнего Востока. Ну, кто на прежней службе пил сильно, или проворовался, или солдат избивал, или как-нибудь по-другому проштрафился. Какой у них с нами, женщинами, разговор? Нажраться, проблеваться – и сразу в койку.

– А в койке их уже ни на что не хватает! – с надрывными интонациями подхватила молодая. – Наврет перед этим тебе три короба про свои мужские таланты, а потом к стене отвернется – и дрыхнуть!

– Как грится, кто с водкой дружен – тому хер не нужен! – вынесла вердикт огромная тетка.

Неожиданно наружная дверь с треском отворилась, и в магазин, в густом морозном пару, ввалились двое мужчин, по виду – типичных бомжей.

– Пошли на хрен, бичи позорные, – сразу окрысилась молодая торговка. – Что – табличку на двери не видели?

– Обожди, обожди! – продавщица в винно-водочном отделе мгновенно продемонстрировала в хищном оскале дюжину металлических коронок. – Так, вы за бухлом? Фунфырик – пятьдесят рэ. стакан – двадцать пять и карамелька на закуску. Что будете?

Визитеры неторопливой развалочкой подошли к прилавку.

Первый, что был понаглей, с фиолетовыми зонавскими татуировками на руках, боднул строгим взглядом толстую продавщицу. Потом глаза его обнаружили молодую и быстро-быстро поискали, нет ли еще тут кого?

– Так, биксота, ты мне сперва покажи, что у тебя за фунфырики, – с типично эковскими интонациями процедил он. – А я в натуре отвечу, надо мне такое или нет.

Второй, помоложе и поскромней, приблизился к прилавку с «культуроварами», застенчиво улыбнулся молодой торговке и почему-то произнес:

– Здрасьте...

Толстая продавщица взглянула на гостей недоуменно; здороваться в Февральске было почти не принято.

– Вы че – залетные?

– А это не твое дело... – пробежав глазами по разноцветным этикеткам со спиртным, татуированный потянулся к сапогу, извлек заточку и красноречиво направил ее на торговку. – Считаю, укатала ты нас на фунфыри. Забираем все, что есть в этом шалмане. С закуской. Слышь, а выручку ты еще не сдавала?

Продавщица винно-водочного отдела сориентировалась мгновенно. Схватив массивный калькулятор, она швырнула его в голову татуированного. Однако тот успел ловко увернуться – счетный прибор ударился о дверной косяк и тут же разлетелся на мелкие осколки. Налетчик с острой железкой наперевес тут же бросился на обидчицу.

Та даже не успела прикрыться рукой... Выверенный удар заточкой в шею – и тетка, заливаясь кровью, свалилась на пол. На губах ее запузырилась розоватая пена. Несколько раз она дернулась, что-то прохрипела и тут же затихла...

– А-а-а! – истошно завизжала молодая и тут же извлекла мобильник, сиюсь нащелкать номер.

– Тихо, лярва! – татуированный с окровавленной заточкой резко обернулся к прилавку с «культтоварами». – Будешь визжать – зарежу как свинью и освежую. А будешь доброй и ласковой – не пожалеешь. А ну мобильник на стол... Кому сказано?!

– Мальчики... не надо, не убивайте меня, я не хочу... – девушка гипнотически смотрела на заостренный металлический штырь, с которого стекала кровь.

– Тебя как зовут, красавица? – татуированный ощерил в недобром оскале блестящие металлические фиксы, и на его лице появилась похотливая улыбка.

– Л-л-ленка... – зубы девушки выбивали мелкую дробь.

– Ленка, Ленка, задери коленко, – подойдя к молодой торговке вплотную, уголовник правой рукой приставил заточку ей к шее. – Ну, сделаешь мне хорошо – жить останешься, слово пацана! Давай, давай, раздевайся...

Едва взглянув в лицо татуированного, продавщица поняла: просить его о пощаде бессмысленно. С тем же успехом доски могли просить плотника, чтобы он их не строгал, не пилил, не рубил, не вбивал гвоздей и не швырял оземь. Дрожащие пальцы расстегнули верхнюю пуговицу халата. Невольно замедлившись в движениях, девушка неотрывно смотрела, как татуированная рука издевательски неторопливо опускает замок-молнию зиппера.

– Раком! – рецидивист резким движением завалил девушку на прилавок, задирая ей халат.

И тут продавщица Лена пронзительно застонала.

– Зачем? Не надо, прошу тебя! Я не хочу, это противно! – голос постепенно, но неотвратимо срывался в плач.

Не обращая внимания на вопли и мольбы, насильник уже спускал с себя брюки. Вцепившись нетерпеливыми грабками в колготки жертвы, он с силой стянул их вместе с теплыми панталонами:

– Ты от чего хочешь сдохнуть – от заточки или от оргазма?

– Не на-адо! Не хочу-у-у! – заверещала девушка, безуспешно пытаясь освободиться.

Соппротивление несчастной лишь придало Астафьеву сил. Безусловно – в этот момент его остановила бы лишь мгновенная кастрация. Короткий удар в затылок продавщицы – и она тут же захрипела и безвольно обмякла.

– Мали-ина! – по-вурдалачьи прохрипел Чалый. – Че вылупился? Никогда, что ли, не видел, как бабу прут? Дверь изнутри закрой, а то сейчас советчики со всего поселка набегут!

Малинин сомнамбулическими шагами отправился из торгового зала в темный предбанник. Протяжно скрипнули петли, шелкнул внутренний засов.

И тут произошло непредвиденное. Толстая торговка тяжело поднялась с окровавленного пола и, покачиваясь, схватила с полки огромную жестяную банку с томатным соусом. Тяжело вознеся ее над головой обеими руками, она швырнула сосуд в голову Чалого.

Астафьеву тут же показалось, что на него свалился бетонный потолок. Перед глазами поплыли огромные фиолетовые круги, в голове зазвучал нарастающий потусторонний гул. Чалый попытался отреагировать, обернуться, но приспущенные брюки заметно лишали его свободы маневра. Однако зоновский опыт быстро подсказал, что следует предпринять. Резко

присев на корточки, он ухватил страшную бабу за опорную ногу и резко потянул на себя. Та, не удержав равновесия, рухнула на пол. Тетка истекала кровью, к тому же сильный удар головой о жесткие половицы окончательно лишил ее сил. Резкий удар сапогом в висок – и толстая продавщица стихла. А Чалый как ни в чем не бывало обернулся к прилавку, где лежала девушка, задрал сползшую было полу халата и приспустил свои брюки еще ниже...

...Спустя полчаса недавние арестанты, сгибаясь под тяжестью объемных мешков и тяжелых коробок, крадучись отходили от «Культтоваров». Из неплотно прикрытой двери с табличкой «Прием товара» сочился едкий серый дымок. По мнению Чалого, пожар должен был скрыть не только следы грабежа, но и списать оба трупа.

* * *

Огромная рыже-полосатая кошка, понюхав воздух, настороженно остановилась. По вечерней тайге разносился явно нездешний запах – резкий, смрадный, неприятно щекочущий обоняние. Тигр повел массивной головой, пытаясь определить источник запаха. Однако сделать это не удалось: ветер изменил направление, и теперь дул не слева от хищника, как всего минуту назад, а сзади него.

Хищник замер. Он знал, что ночной ветер в тайге переменчив и следует, оставаясь на прежнем месте, просто терпеливо ждать. Так оно и случилось. Через минут десять обоняние амурского тигра различило тот же самый запах. Только теперь он стал еще более насыщенным, резким и противным. Вскоре слух различил и странные, явно не таежные звуки: жалобное поскуливание, пронзительный визг и злобный рык сливались в отвратительную какофонию.

Осторожно пробираясь по сугробу, тигр двинулся в сторону, откуда доносились эти звуки. На полянке, за субтильными зарослями кедрового стланика, дрались с дюжину псов. В приамурских поселках почти все собаки, не считая охотничьих, – одичавшие; у хозяев не всегда есть возможность самим прокормиться, какие еще тут псы! Вот псы и сбиваются в стаи, прочесывают окрестную тайгу в поисках пропитания.

Псы на поляне дрались из-за туши лося. Те, что посильней и побольше, с хищным урчанием рвали мясо и в то же время умудрялись отгонять сородичей послабей.

Обоняние таежного убийцы подсказывало: лось погиб меньше часа назад. Туша еще не была мерзлой. Запах сырой крови щекотал ноздри тигра и подталкивал к дальнейшим действиям. Полудикие псы были не в счет: ведь амурский тигр уже неоднократно резал их в ночном Февральске. Выйдя из-за заснеженных зарослей стланика, хищник, уже не таясь, подошел поближе. Теперь движения его стали плавными и расчетливыми. Подгоняемый голодом зверь был готов сожрать не только остатки лося, но и всех бывших на поляне конкурентов...

Однако на этот раз полосатая кошка ошиблась. Это одна собака не имеет никаких шансов в противостоянии тигру. А большая, хорошо организованная стая, ведомая опытным и смелым вожаком, вполне может отогнать жуткого хищника подальше. В тайге, как и повсюду в животном мире, существует только один закон: выживает сильнейший. А свора голодных псов зачастую бывает сильнее даже опытного тигра-убийцы. Несомненно, собачий прайд наверняка считал этот участок тайги своим и никогда бы не потерпел на этих угодьях полосатого чужака. Ну а уж чтобы делиться с какой-то кошкой тушей лося, не могло быть и речи.

Вожак псиного прайда – огромный ублюдок овчарки и ротвейлера, с надорванным ухом и шрамоватой головой – при виде тигра поднял голову, нехотя отошел от туши и тихо, но угрожающе зарычал. Желтые клыки агрессивно обнажились, шерсть на холке поднялась дыбом, глаза неожиданно блеснули злобным огнем. Остальные псы, включая даже мелких и слабых, тут же последовали примеру вожака. Они встали плотным полукольцом, показательно щеря зубы.

Тигр на секунду замер, оценивая ситуацию. Он явно не ожидал организованного отпора каких-то беспризорных шавок. Оскалив огромную клыкастую пасть, зверь грозно заревел и принялся бить себя хвостом по бокам: мол, отойдите по-хорошему, хозяин тайги тут я, а не вы! Однако псы и не думали сдаваться, а наоборот – сразу же перешли к более активным действиям. Вожак-ублюдок так и остался стоять напротив незваного гостя, скаля клыки, а остальные собаки медленно, не сводя с чужака глаз, принялись обходить его справа и слева, явно намереваясь одновременно напасть с разных сторон.

Тигр оказался в полукольце, которое медленно, но неотвратно сжималось. Отступить было невозможно: это означало бы признать поражение перед какими-то презренными псами. Опытный таежный убийца понимал: промедление смерти подобно. Надо было как можно быстрее нейтрализовать вожака. Ведь собачья свора сильна своим единством, и единство это как раз и цементирует авторитетный лидер...

Стремительный прыжок – и страшные клыки тигра вонзились в шею собачьего вожака. Тот, так и не среагировав на прыжок, завалился на бок и, яростно огрызаясь, попытался было вырваться из жуткой пасти. Но рыже-полосатый убийца безжалостно вдавливал пса лапой в снег. Пес вертелся юлой, разбрасывая вокруг себя снежную пыль, взрыхлял сугробы, однако с каждым движением головы тигра заметно слабел. Снег под псом густо набухал кровью, и ее пьянящий аромат словно бы придавал сил голодному и обозленному убийце.

Все произошло слишком быстро – псиняя свора так и не успела среагировать на агрессивный маневр таежного хищника. А когда бросилась спасать вожака, было уже слишком поздно: предводитель стаи корчился в окровавленном сугробе, среди собственных кишок...

Однако и тигр, занятый вожаком, не успел своевременно отреагировать на атаку своры. Небольшой, но на удивление злобный пес впился мощной челюстью в мягкий тигровый живот. Еще один с визгом повис на шее, двое умудрились впиться зубами в левую заднюю лапу. Пока хозяин тайги возился с собакой, повисшей на животе, остальные успели выдрать по куску шкуры...

Впрочем, рыже-полосатая кошка и теперь вышла безусловным победителем. Сбросив собаку, висевшую у него на шее, тигр принялся яростно кататься по окровавленному снегу, давя своей тяжестью остальных. Лай, визг, скулеж и злобный тигровый рык слились в один леденящий душу звук.

Спустя минут десять все было кончено. В сугробах лежало девять собачьих трупов – раздавленных, изуродованных, разорванных на части. Остальная стая, униженно заскулив, спряталась в зарослях стланика. Амурский тигр приблизился к туше лося и, припав к ней мордой, принялся сосредоточенно грызть мясо.

Однако спустя какую-то минуту огромная кошка зарычала растерянно; в пылу борьбы с псиной сворой тигр умудрился сломать один из двух своих убийственных клыков. Это, в свою очередь, означало, что хозяин тайги теперь не мог полноценно охотиться на лесную дичь; ведь верхние передние клыки как раз и предназначены для убийства жертв!

Впрочем, в Февральске было немало другой добычи, и в отличие от дичи четвероногой она выглядела куда более привлекательной...

Глава 4

Празднование Восьмого марта в дальневосточной воинской части проходит не так пафосно, как где-нибудь под Москвой. Ни торжественных речей с духовыми оркестрами, ни награждения лучших женщин-военнослужащих ценными подарками, ни даже прочувственного напутственного слова отца-командира с кумачовой трибуны...

Что, впрочем, неудивительно: большинство гарнизонов на границе с Китаем живет крайне бедно. Офицеры с семьями обитают в полуразрушенных общагах времен Халхин-Гола, топлива для учений почти что не выделяют, а о «реформе Вооруженных сил» военные слышат разве что по телевизору. Солдат кормят просроченными продуктами, гнилой картошкой и перемороженным хлебом, и хорошо еще, если не впроголодь. Даже электричество – и то подается с перебоями, потому что нередко отключается военным за долги. Так что отцам-командирам в отдаленных гарнизонах далеко не всегда хватает средств на достойные празднества и ценные подарки для личного состава. Да и не во всех военных городках есть клубы с актовым залом, где можно было бы усадить народ...

Вертолетная часть, где служила вольнонаемной возлюбленная Миши Каратаева, считалась едва ли не самой нищенской на всем Дальнем Востоке. Тут никогда не было ни нормального жилья для офицеров, ни клуба, ни библиотеки, ни даже традиционного гарнизонного магазина «Звездочка». А потому отмечать Международный женский день начальство распорядилось в столовой. Ведь в иерархии красных дат, отмечаемых в армии, Восьмое марта стоит почти на одном уровне с Двадцать третьим февраля. А уж лишить товарищей офицеров классического тоста «за милых дам!» и вовсе бесчеловечно! Несколько недель зампотылу и командир части гоняли деньги из одной графы в другую – урезали, сэкономили, а то и просто занимались откровенным служебным подлогом. Несколько офицеров были отправлены к местным егерям – менять авиационный керосин и спирт на таежные деликатесы. Сам же командир на своем служебном «уазике» отправился в Хабаровск – жаловаться на бедность и выбивать из начальства дополнительные суммы.

Народу собралось довольно много. Женатые офицеры пришли с женами, неженатые – с любовницами. Притом жены одних офицеров нередко были любовницами других. Командир части, прекрасно ориентировавшийся в ситуации, так перетасовал гостей, что парочки, склонные к флирту или соединенные давнишней, известной всему военному городку связью, очутились вместе. Так что одинокий наблюдатель, нагнувшись за упавшей вилкой, мог наблюдать под столом переплетенные ноги, а также руки, лежащие на чужих коленях.

Традиционные тосты «за милых дам!» и «за женщин!» звучали лишь первые полчаса. Вскоре водка закончилась, и на столах появился разведенный спирт, настоящий на таежных травах и замороженный до полной потери вкуса и запаха. Компании, быстро разбившись по интересам, обсуждали каждая свое. Звенели стаканы, звякали вилки. Между подвыпившими женщинами уже несколько раз промелькнули неизбежные шпильки и намеки, грозившие перейти в шумное выяснение отношений. Офицеры пока вели себя смирно – ведь выяснять отношения в присутствии командира части даже в этой военной части было не принято.

Таня Дробязко – белолицая, рослая, с удивительно правильными чертами лица и темно-русой косой, уложенной в высокую корону, – не принимала участия в мелочных спорах. Да и выпивала она немного – скорее лишь делала вид. Девушка напряженно вертела головой, поглядывая то на дверь, то на окна.

Миша прибыл с небольшим опозданием. Поцеловал Таню, уселся рядом, внимательно осматривая собравшихся.

– Ой, Миша! – заулыбалась Дробязко. – Ну наконец-то. А я тебе звоню-звоню... Что – опять мобильная связь не работает?

– В тайге мобильной связи нет... – Каратаев внимательно осмотрел публику за столом.

Праздник катился накатанной колеей. Жидкое электричество тяжело бултыхалось в пустых бутылках, в мутных, захватанных руками и губами бокалах, в которых плавали сигаретные окурки и серый пепел, тускло отсвечивало от тарелок с непривлекательными объедками.

Кто-то уже спал, аккуратно уложив морду в блюдо с рыбой. Кто-то судорожно икал в конце стола. Кто-то задумчиво ел руками квашеную капусту. Двое молодых мерились силой, уперев локти в столешницу и надуваясь до синевы, вязко ругались матом. Командир вертолетной части, еще относительно трезвый, внимательно следил, чтобы офицерский армрестлинг не перешел в стадию более серьезного выяснения отношений.

И тут из хриплых динамиков, подвешенных под потолком, зазвучало мерзкое трансформаторное гудение, на которое спустя пару секунд наложилась танцевальная музыка. Молодой угреватый старлей, сосланный в «штрафной» гарнизон полтора месяца назад аж из Комсомольска-на-Амуре, поднялся из-за стола и ломаной, развинченной в суставах походкой приблизился к Татьяне.

– Какой шикарный бабе-ец! – пьяно икнул он, протянул руку и шаркнул ножкой. – Давай потанцуем!

– Пошел вон, – ласково произнес Каратаев, даже не обернувшись в сторону старшего лейтенанта. – Если девушка сидит с мужчиной, то сперва принято спрашивать у мужчины, позволяет ли он ей танцевать с чужими. Не слышал о таком?

Старлей вздохнул долго и прерывисто. Подобный вздох может издать разохшийся баян, если растягивать его меха без звука. Наконец меха баяна стали сдвигаться, и выходящий воздух сложился в лишнюю всякой мелодики фразу:

– Что-что? Что ты мне только что сказал? Я типа не понял...

– Деликатно предлагаю пойти тебе на хрен.

То ли офицер в тот вечер выпил лишнего, то ли еще не знал, кто такой Михаил Каратаев, но он тут же встал в позу.

– Да ты че, козел гражданский! Я тебя сейчас...

Даже не поднимаясь из-за стола, таежный охотник выверенным ударом локтем в солнечное сплетение угреватого наглеца заставил его замолчать. Тот булькнул горлом, распялил рот, сложился пополам и затих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.